

21. Malyshev V.I. Vozmozhny li eshche rukopisnye nakhodki v Ust'-Tsilemskom raione Komi ASSR? [Can there be another manuscript finds in Ust-Tsilma district of the Komi Republic?] *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Leningrad, 1969, T. 24, pp. 370–374.
22. Malyshev V.I. Pizhemskaia rukopisnaia starina (otchet o komandirovke 1955 g.) [Pizhemskaia manuscript old (about the trip report 1955)]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Moscow; Leningrad, 1956. T. 12, pp. 461–493.
23. Malyshev V.I. Otchet o komandirovke v s. Ust'-Tsil'mu Komi ASSR [a trip to a report. Ust-Tsilma, Komi ASSR]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Moscow; Leningrad, 1949, T. 7, pp. 469–480.
24. Malyshev V.I. Otchet o komandirovke na Pechoru v 1956 godu [The report on the trip to the Pechora in 1956]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Moscow; Leningrad, 1958, T. 15, pp. 398–408.
25. Malyshev V.I. Ust'-Tsilemskie rukopisi XVII–XIX vv. istoricheskogo, literaturnogo i bytovogo soderzhaniiia [Ust-Tsilma manuscript of XVII–XIX centuries. historical, literary and domestic content] *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Moscow; Leningrad, 1961, T. 17, pp. 561–604.
26. Malyshev V.I. *Ust'-Tsilemskie rukopisnye sborniki KhVI–XX vv.* [Ust-Tsilma manuscript collections XVIII–XX centuries]. Syktyvkar, 1960.
27. Malyshev V.I. Ust'-Tsilemskii knigopisets i pisatel' XIX v. I.S. Myandin [Ust-Tsilma knigopisets and writer of the XIX century. I.S. Myandin]. *Drevnerusskaya knizhnost' : (po materialam Pushkinskogo Doma)* [Old Russian book culture: (based on Pushkin House)]. Leningrad, 1985, pp. 323–337.
28. Markelov G.V. Novye popolneniia Pechorskogo sobraniia [New replenishment meeting Pechora]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Leningrad, 1972, T. 27, pp. 441–443.
29. Melikhov M. V. Rukopisnoe nasledie pechorskogo starobryadcheskogo pisatelya S. A. Nosova: itogi i perspektivy izucheniya [Manuscript legacy Pechora Old Believers writer C.A. Nosov: results and prospects of studying]. *Vtorye Myandinskie chteniya* [Myandinskie second reading materiily]. Syktyvkar, 2011, T. 1, pp. 153–162.
30. «Narodnaya bibliya»: *Vostochno-slavyanskii etimologicheskie legendy* ["The People's Bible": East etiological legends]. Moscow, 2004.
31. *Pamyatniki pis'mennosti v khranilishchakh Komi ASSR: Katalog-putevoditel'* [Written Monuments in the Komi ASSR storage: Directory and Guide]. Syktyvkar, 1989. Ch. 1. Vyp. 1. Rukopisnye sobraniya Syktyvskarskogo gosudarstvennogo universiteta.
32. *Pamyatniki pis'mennosti v khranilishchakh Respubliki Komi: Katalog-putevoditel'* [Written Monuments in the Komi ASSR storage: Directory and Guide]. Syktyvkar, 2013, Vol. 1. Vyp. 2. Rukopisnye knigi XV–XX vekov v sobranii Natsional'nogo muzeia Respubliki Komi.
33. *Pechorskii starobryadcheskii pisatel' S. A. Nosov : vi-denii, pis'ma, zapiski* [Pechora Old Believers writer C.A. Nosov: vision, letters, notes]. Moscow, 2005.
34. *Povest' o Novgorodskom belom klobuke i Skazanie o khranitel'nom byl'ii merzkom zelii, ezhe est' tabatse: dva starinykh proizvedeniya raskol'nich'ey literatury* [Tale of Novgorod white cowl and the Legend of the hranitel'nom byl'ii vile Zelia, hedgehog has tabatse: two ancient works of dissident literature]. St-Peterburg, 1861, pp. 47–75.
35. Pypin A.N. *Istoriia russkoi literatury* [The history of Russian literature]. Sankt-Peterburg, 1898, T. 2.
36. Tabakokurkenie. Satiricheskaia poema [Tobacco smoking. Satirical Poem]. *Starobryadcheskaia biblioteka* [Library Old Believers]. Saratov, 1913, Vyp. 3, pp. 26–42.
37. Chertoritskaia T.V. *K voprosu o literaturnoi istorii drevnerusskogo mineinogo Torzhestvennika* [On the question of the literary history of ancient minean Torzhestvennik]. *Drevnerusskaia rukopisnaia kniga i ee bytovanie v Sibiri* [Old Russian manuscript book and its existence in Siberia]. Novosibirsk, 1982, pp. 5–27.
38. Chertoritskaia T.V. *Torzhestvennik* [Torzhestvennik]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of the scribes and literature of Ancient Russia]. Leningrad, 1989, Vyp. 2 (vtoraia polovina XIV–XVI v.), Ch. 2: L–Ya, pp. 432–435.
39. Chertoritskaia T.V. *Torzhestvennik iz sobraniya IIFiF: (Opyt opisaniia sbornika postoyannogo sostava)* [Torzhestvennik IIFiF of the meeting: (describe the experience of constant composition of the collection)]. *Istochnikovedenie i arkhografiya Sibiri* [Chronology Archeology and Siberia]. Novosibirsk, 1977, pp. 162–198.
40. Shustorovich E.M. *Slavyano-russkie rukopisi Biblioteki im. A. M. Gor'kogo Leningradskogo gos. universiteta* [Slavic-Russian manuscript Bibliothèque. Gorky Leningrad State]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the University of Leningrad State University]. 1963, №14, Ser.: Istoriya yazyka i literatury, Vyp. 3.

УДК 821

Н.В. Володина, Е.В. Калинина
Череповецкий государственный университет

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК (И.Б. РОДНЯНСКАЯ) О ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДАХ

Статья посвящена особенностям исследовательского метода И.Б. Роднянской, ее представлениям о назначении литературоведения и оценке творческой деятельности С.Г. Бочарова как близкого ей своим пониманием литературы ученого-филолога. Материалом статьи является интервью Роднянской, предваряющее ее двухтомник «Движение литературы», а также работа «Философская "собака, зарытая в стиле"», посвященная книге Бочарова «Сюжеты русской литературы».

Литературная критика, литературоведение, автор, метод, стиль.

The article deals with the features of research method of I. B. Rodnianskaia, her views on the purpose of study of literature and her estimation of the creative activity of S. G. Bocharov, who is close to her in the understanding of literature. The data of this article

is represented by the interview of Rodnianskaia (an introduction for her two-volume book «Movement of Literature») and her paper «Philosophical “dog, buried in style”», dedicated to the book written by Bocharov – «Stories of Russian literature».

Literary criticism, study of literature, author, method, style.

Введение

И.Б. Роднянская в интервью, которое предваряет ее книгу «Движение литературы», определяет свою исследовательскую, творческую позицию, по сути, отказываясь от привычного для нее статуса литературного критика. «Я, по чести, не вижу никакой специальной границы между литературоведением и ею» [5, с. 11], – пишет Роднянская о критике. Разъясняя свою точку зрения, она мотивирует ее тем, что «люди, хоть сколько-то примечательные в литературной критике, непременно занимаются и тем, что мы с Вами условно называли литературоведением. И наоборот: я не знаю ни одного значительного исследователя литературного прошлого, который не делал бы вылазку, крайне заинтересованную, в текущее литературное движение, — и чем больше все это будет походить на сообщающиеся сосуды, тем лучше для сочинений о литературе» [5, с. 11–12].

С традиционной точки зрения критика является составной частью литературоведения. Однако Роднянскую явно не интересует «официальное» положение критики внутри литературоведения. Она справедливо говорит об условности обычно упоминаемой временной границы между критикой и историей литературы, делая акцент на специфике «критическое» и собственно научного подхода к тексту.

Основная часть

Для Роднянской цель и смысл как литературоведческого, так и критического анализа (будем иметь в виду ее разграничение) – «герменевтика и экзегеза художественного произведения» [5, с. 11]. «Герменевтика, изначально возникшая в рамках экзегезы, исследует теорию и практику истолкования, интерпретации и понимания текста, «исходя из его собственной интенции», – так определяет ее задачи современная наука [7, с. 55]. Роднянская, несомненно, учитывает этот изначальный смысл герменевтики и рассуждает о границах интерпретации, аспектах и этапах литературоведческого анализа, роли читателя и т.д. Размышления Роднянской по этому поводу «рефлекторно» соотносятся с анализом этой проблемы в работах авторитетных русских и европейских ученых. Иногда Роднянская прямо ссылается на конкретного исследователя; в других случаях (учтем, что это интервью) связь ее рассуждений с известными научными именами и идеями присутствует имплицитно, на уровне «чужого слова», которое угадывается профессиональным читателем.

Выскажем предположение, что знаменитая бахтинская идея может быть экстраполирована и на научные тексты: в тех случаях, когда речь идет об идеях (аналог «слов»), усвоенных и присвоенных наукой уже как аксиомы, не требующие доказательств или отсылки к их автору. Такого рода идеи оказываются для науки своего рода вариантом «коллективного бессознательного», общепринятой матрицей,

составляющей «каркас» той или иной научной концепции.

Подлинно научную позицию в анализе произведения, с точки зрения Роднянской, характеризует «пребывание одновременно и внутри и вне произведения» [5, с. 9]. Разъясняя это положение, Роднянская пишет: «Это значит конгениально автору выявлять его акцентуацию, а не заменять ее сходу своей собственной. Ведь состоятельное произведение искусства многозначно, но не сколь угодно значно, и, говоря несколько механическим языком, в него вмонтированы посреди «мест неполной определенности» [4, с. 104], некие смысловые определители и ограничители, игнорировать которые значит ломать вещь через колено. Интерпретатор не обязательно должен выяснять, что хотел сказать автор (хотя такая реконструкция желательна, а в текущей критике подчас насущна), но ему следует выяснить, что же автором сказало, прежде чем примерять к этому «что» собственную мыслительную раму» [5, с. 10].

Роднянская не стремится дать точное объяснение того, что значит «конгениально автору выявлять его акцентуацию» или как именно это сделать. Более того, она полагает, что «для этого не существует алгоритма» [5, с. 10–11]. Собственно говоря, это один из «вечных вопросов» литературоведения, осмысление которого началось (в отечественной науке), очевидно, с психологической школы, работ А.А. Потебни; затем было продолжено формалистами и Ю.Н. Тыняновым, А.П. Скафтымовым, М.М. Бахтиным, А.В. Михайловым, Ю.М. Лотманом, С.Г. Бочаровым и рядом других авторитетных ученых. Проблема истолкования художественного произведения обсуждалась еще литературной критикой XIX века. Так, например, Н.А. Добролюбов, говоря о своем понимании романа И.С. Тургенева «Накануне», его потенциальном общественном, даже революционном пафосе, пишет: «Мы знаем, что чистые эстетика сейчас же обвинят нас в стремлении навязывать автору свои мнения и предписывать задачи его таланту. Поэтому оговоримся, хотя это и скучно. Нет, мы ничего автору не навязываем, мы заранее говорим, что не знаем, с какой целью, вследствие каких предварительных соображений изобразил он историю, составляющую содержание повести «Накануне». Для нас не столько важно, что хотел сказать автор, сколько то, что сказало им, хотя бы и не намеренно, просто вследствие правдивого воспроизведения фактов жизни» [3, с. 97].

В рассуждениях Роднянской, несомненно, можно увидеть отражение идей М.М. Бахтина, связанных с интерпретацией текста: «Первая задача, – пишет он, – понять произведение так, как понимал его сам автор, не выходя за пределы его понимания. Решение этой задачи трудно и требует обычно привлечения огромного материала.

Вторая задача – использовать свою временную и культурную вненаходимость. Включение в наш (чужой для автора) контекст» [1, с. 349]. Это конкретное

суждение Бахтина «вписывается» в его концепции автора и героя, диалогизма, соотносится с идеей «большого времени» и др. Разграничивая две стороны и два этапа процесса понимания, Бахтин не объясняет, как происходит реконструкция собственно авторского смысла. Его статья, по сути, тезисы («Из записей...»), которые позволяют комментировать, развивать высказанные им положения и идеи.

Важно, что говоря о допустимости множественной интерпретации произведения уже в силу его многозначности, Роднянская считает, что варианты этих истолкований не бесконечны, что в тексте есть «смысловые определители и ограничители», и потому видит задачу литературоведческого анализа, прежде всего, в чтении художественного текста, «определенным образом имманентном ему самому» [5, с. 8].

Подобную идею высказывал Ю.М. Лотман в связи с рассуждениями о прагматике текста и интерпретации его читателем. Объясняя появление все новых и новых трактовок одного и того же произведения, Лотман связывал этот процесс с «перефигурировкой основ структуры текста», который «вступил во взаимодействие с неоднородным ему сознанием и в ходе генерирования новых смыслов перестроил свою имманентную структуру» [6, с. 153]. В то же время, как считает ученый, «возможности таких перестроек конечны, и это полагает предел жизни того или иного текста в веках» [6, с. 154]. В свою очередь лотмановские суждения, несомненно, коррелируются с бахтинской концепцией диалога, ибо возможности переосмысления текста Лотман видел также в «диалогической природе сознания» [6, с. 154].

Выявление феномена авторского замысла и его реализации в тексте заключается, с точки зрения Роднянской, в том, что «это чтение как первичное приближение к тексту, и инструментом такого чтения служит эстетическая эмоция, включенность аппарата восприятия, живого реагирования на задачу, реализуемую художественной вещью. И лишь «задействовав» этот аппарат (а не одну только сумму предварительных знаний), можно ощутить те акценты, которые сознательно или непроизвольно расставил автор, и не спутать их ни с чем другим» [5, с. 9]. Как видим, здесь нет идеи подчиненности этого чтения определенному механизму анализа; неслучайно в качестве его «инструментов» Роднянская называет «эстетическую эмоцию» и «ощущение» авторских смысловых акцентов. И хотя Роднянская, разумеется, признает необходимость профессионального подхода к тексту, связанному с «пониманием эпохи, ее стилистики, с учетом интертекстуальности во всех ее гранях» [5, с. 9–10], первичным для нее является интерпретация произведения, рассчитанная на интуицию и развитость эстетического чувства литературоведа как особого рода читателя. Его отличие от обычного читателя – если позволить себе интерпретировать идеи Роднянской – заключается в способности дифференцировать сам процесс восприятия: увидеть текст изнутри, погрузиться в него, абстрагируясь от собственного индивидуально-го прочтения, а затем – вернуться в свое время, свою

исследовательскую «ситуацию», привнести в текст свои смыслы.

Этот круг идей Роднянской тоже соотносится с традицией русской и европейской науки. В этом контексте можно повторить круг ранее названных имен исследователей, начиная с А.А. Потебни, которые говорили о значении читателя в истолковании текста, а, по сути, участии его в творческом процессе, диалоге с автором. Сошлемся лишь на одного исследователя, по частному поводу ранее упомянутому Роднянской, – Р. Ингардена. «Местами неполной определенности» для Ингардена являются отдельные детали, намеки, авторские замечания, небольшой фрагмент текста и т.д., которые могут быть развернуты в целостную картину. Для того, чтобы их выявить, наделить эстетическим смыслом, нужен читатель. Здесь определяющими оказываются его воображение, способность к ассоциативным связям, эмоциональному переживанию прочитанного. При конкретизации, считает Ингарден, «происходит актуализация, по крайней мере, некоторых из тех компонентов произведения, которые в нем самом пребывают лишь в потенциальном состоянии» [4].

Возможности читателя-исследователя связаны, естественно, не только с «доставлением» структуры самого текста, но и множеством других факторов. Роднянская рассматривает эту ситуацию следующим образом: «Второй этап процедуры – это неизбежное сопоставление истины данного творения, с той истиной, которую исследователь считает объективной, или, если угодно, высшей. И вот здесь уже совершается дообъяснение произведения – не из него самого, а из обстоятельств его создания, может быть, не до конца осознававшихся самим автором, – биографических, духовных, эпохальных и пр. Совершается суд над произведением, т. е. (по-гречески) его критика с позиций, так или иначе ему трансцендентных. И вот такое нахождение сразу внутри и вне – оно и есть, по моему разумению, двухтактная задача интерпретатора; решая ее, он и становится «ведущим» данное художественное создание» [5, с. 10].

Сама Роднянская, несомненно, стремится следовать такому пониманию интерпретации и с этих же позиций оценивает работы современных литературоведов. Один из наиболее убедительных, интересных и творческих, с ее точки зрения, исследователей – С.Г. Бочаров, которому посвящена отдельная глава в ее книге «Движение литературы».

С.Г. Бочаров тоже обращается к вопросу об истолковании произведения, занимая в чем-то близкую Роднянской позицию: он говорит о необходимости постижения собственно авторского смысла и лишь затем привнесении в него читательского опыта. Однако Бочаров разграничивает понятия «интерпретации» и «понимания», отдавая явное предпочтение «пониманию». «Интерпретация, – пишет он, – есть самоутверждающееся понимание, имеющее тенденцию в своем самоутверждении более или менее пренебрегать (оставляя как бы его позади себя) предметом понимания. В литературоведении нашего времени интерпретация самоопределяется как автономная область порождения собственных смыслов, затем обратным ходом приписываемых тексту, произведению» [5, с. 9].

Для Бочарова также важно, чтобы понимание художественного текста не было «агрессивным давлением на текст», его «идеологической редукцией». Более того, по мнению исследователя, понимание имеет «тенденцию в своем самоутверждении более или менее пренебрегать (оставляя как бы его позади себя) предметом понимания» [2, с. 5] и «самоопределяется как автономная область порождения собственных смыслов, затем обратным ходом приписываемых тексту, произведению» [2, с. 6]. Таким образом, Бочаров в книге, о которой пишет Роднянская, – «Сюжеты русской литературы», – стремится к «пониманию» текстов, основываясь на внутренней логике и многообразных внутренних связях литературных произведений.

Вообще Роднянская неслучайно упоминает о Бочарове и его книге «Сюжеты русской литературы» уже в интервью с Т.А. Касаткиной. Бочаров оказывается одним из наиболее близких ей современных ученых-филологов, сохраняющих лучшие традиции академического литературоведения и обладающий широким научным диапазоном. Действительно, круг его исследовательских интересов необычно велик. Бочаров автор таких работ, как «Роман Л. Толстого «Война и мир»» (1963), «Поэтика Пушкина» (1974), «О художественных мирах. Сервантес, Пушкин, Баратынский, Гоголь, Достоевский, Толстой, Платонов» (1985), «Сюжеты русской литературы» (1999), «Филологические сюжеты» (2007) и др. В каждой из этих работ исследователь пытается осмыслить художественный мир того или иного писателя и одновременно выявить преемственность сюжетов и идей разных художников, установить их взаимосвязь и взаимовлияние. Собственно говоря, эта научная концепция и определила замысел, методологию и основные идеи книги С.Г. Бочарова «Сюжеты русской литературы».

Эта книга ученого вызвала незамедлительную реакцию литературоведов и критиков. Так, например, Е. Отрощенко (журналист, заместитель главного редактора православного портала о благотворительности и социальной деятельности «Милосердие.ru») иронично пишет о том, что Бочарову свойственны «теоретические пристрастия», противоречивость взглядов: «Являясь учеником М. Бахтина, трудно не испытывать его влияния. Но противопоставление Бахтина формалистам и, в частности, Тынянову вряд ли продуктивно <...>. Ведь сам же Бочаров говорит о том, что нужно уметь рассмотреть Бахтина сквозь туман современной «бахтиологии»» [8]. Впрочем, Отрощенко больше интересуют теоретическая составляющая книги Бочарова, нежели его новаторский метод анализа литературных произведений.

Роднянская высказывает совершенно противоположную точку зрения о книге Бочарова. Она по достоинству оценила «Сюжеты русской литературы» и, более того, считает исследователя «ядром» и «сердцем» современного литературоведения.

По мнению критика, «Сюжеты русской литературы» Бочарова являются «ответом на вызов современных течений социологии литературы, деконструктивизма (который, кстати, является чисто филологским, а не литературно-эстетическим методом),

отбивая у них, отстаивая то самое пространство интерпретации – идущее от текста как художественного мира и лишь в итоге «за» текст» [9].

Интересно, что Роднянская написала о книге Бочарова, состоящей из 600 страниц, только одну небольшую статью – «Философская “собака, зарытая в стиле”». Выбор жанра, как нам кажется, обусловлен его небольшим объемом, который позволяет мгновенно откликаться на появление новых произведений в литературоведении.

В статье «Философская “собака, зарытая в стиле”» Роднянская говорит о Бочарове не только как о литературоведе, но и как о читателе и ценителе русской литературы, который избирательно подходит к объекту своего анализа. Сфера деятельности Бочарова – творчество А.С. Пушкина, Е.А. Баратынский, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.Н. Толстого и др. Также литературовед исследует художественные произведения современных русских писателей, например А. Битова («Автор и герой в литературном мире Андрея Битова», «На Аптекарский остров...»). Обо всех этих авторах Бочаров пишет в своей книге «Сюжеты русской литературы».

Вообще «Сюжеты русской литературы» представляют собой собрание работ, которые Бочаров писал в течение 10 лет. Тема книги сформулирована ее заглавием. «Сюжеты русской литературы» – это «действия и события, совершавшиеся в пространстве русской литературы главным образом XIX века, но и нашего столетия тоже; магистральные сверхсюжеты, смысловые линии, пересекающие это пространство» [2, с. 5]. Интересно, что Бочаров анализирует произведения одних авторов, например, Пушкина и Достоевского, в контексте творческой деятельности других. (Ср. главы «Пушкин – Гоголь – Достоевский», «Леонтьев – Толстой – Достоевский»). Об этом говорит и сама Роднянская: «Сюжеты русской литературы» – это не сюжеты, употребительные у русских авторов, это сюжеты, авторство которых принадлежит соборному целому русской литературы. А «узлы», выхваченные из целого стойкими бочаровскими предпочтениями – сочленения живого мифопорождающего организма, отверстого будущему (в выходах за пределы XIX века: Пруст – Ходасевич – Битов – Петрушевская – тоже все сочленено, хоть и не так плотно)» [9].

Роднянская в статье «Философская “собака, зарытая в стиле”» анализирует несколько работ Бочарова, входящих в книгу «Сюжеты русской литературы»: «Неискупленный герой Достоевского», «“Памятник” Ходасевича», «Праздник жизни и путь жизни. Сотый май и тридцать лет. Кубок жизни и клейкие листочки», «Ум мой упростить я не могу. К столетию смерти Константина Леонтьева» и др. Критик кратко говорит об этих статьях, рассматривая, прежде всего, исследовательские приемы Бочарова. Так, например, «триумфом метода» [9]. Бочарова, по мнению критика, является статья-размышление «Праздник жизни и путь жизни. Сотый май и тридцать лет. Кубок жизни и клейкие листочки». В этой статье Бочаров, анализируя творчество А.С. Пушкина, А.Н. Некрасова, Ф.М. Достоевского, пытается показать «феноменологию понятия “праздник”» [9]. Сам Боча-

ров так определяет понятие «праздник»: это «изъятие из обычного хода времени, изменение качества времени, праздник есть начало преобразования жизни» [2, с. 195]. В литературе, как ясно из его статьи, праздник «не совпадает с жизнью, а жизнь не совпадает с праздником – но в сочетании «праздник жизни они совпадают». Тем самым в качестве поэтического образа сочетание это заключает в себе утопическую идею и внутренней противоречие» [2, с. 195–196].

В «Сюжетах русской литературы» Бочаров предстает перед читателем не только как литературовед, но и как философ. Об этой особенности творческой деятельности говорит и сама Роднянская. Обращает на себя внимание название статьи критика о книге Бочарова – «Философская “собака, зарытая в стиле”». Комментируя ее, Роднянская пишет: «Заглавная метафора, взятая в кавычки, – из той же рецензируемой книги. Автор хочет сказать, <...> что литературные «приемы», «заходы», навыки письма суть энергии, чреватые смысловыми последствиями на линиях больших умственных движений родной нам культуры — русской и европейской. <...> «филологические сюжеты», завязанные чаще всего вокруг тончайшей филиации идей-слов и итожимые с таким же острым вниманием к оттенкам и поворотам собственного слова, упираются в дилеммы философские и «экзистенциальные», с совсем не очевидными решениями» [2, с. 196]. Философские «знания» Бочарова проявляются не только в цитировании Гераклита, Платона, Хайдеггера, М. Шелера, Флоренского и др., а в самом творческом методе автора. Бочаров – один из тех исследователей, которые создают свой собственный уникальный способ изучения явлений литературы. Он сохраняет традиции классического литературоведения, разрабатывая в то же время (как считает Роднянская) новые приемы анализа литературных произведений. Так, например, Бочаров «декларирует почтительность к исторической поэтике <...>. А между тем – совершает ею не санкционированное. Если историческая поэтика и ее близкая родственница – компаративистика – опираются на документированное выяснение взаимовлияний и социокультурных эволюций <...>, то Бочаров думает совсем по-другому. Независимые переключки в истории мысли ценнее всего», – «независимые», то есть не полученные по литературной эстафете (от «отца» ли к «сыну» – или от захудалого дядюшки к бойкому племяннику, как считали опоязовцы), а навеянные, так сказать, атмосферически (аполлон-григорьевское и леонтьевское «веянье» – «обаятельное понятие», по ощущению автора)» [9].

Роднянская в статье «Философская “собака, зарытая в стиле”» сравнивает творчество Бочарова с творчеством другого литературоведа – В.С. Непомнящего. При этом критик ищет не столько различия в их научном методе, сколько точки соприкосновения. Приведем пример: «В очень существенном смысле тут тоже – «русская картина мира», и книга Бочарова породнена с книгой Непомнящего куда больше, чем они сами думают. Коль Непомнящий – это «религиозная филология» (так в «Сюжетах...» припечатано), то Бочаров – это «метафизическая филология» [9].

Помимо этого, у Бочарова есть особое понимание роли литературоведения в современной науке: с одной стороны, оно служит литературе и потому «должно быть скромным» [2, с. 197], но с другой – «литературоведение – это тоже литература, и филолог – это писатель. Он не только имеет дело с исследуемым словом другого писателя, но работает с собственным словом сам, без чего ему не откроется и исследуемое слово» [2, с. 197–198]. Так Роднянская открывает особый творческий потенциал исследовательского метода Бочарова, отчасти сближающий его в художественным творчеством. Именно поэтому она приходит к заключению, что «филологическая работа – продолжение самой литературы, необходимое этой последней для самопонимания» [9].

Вывод

Обращение Роднянской к научной деятельности С.Г. Бочарова, статья, ему посвященная, интересны не только характеристикой этого талантливого современного филолога, но своего рода творческим портретом самой Роднянской. Говоря о «другом», она раскрывает свои представления о специфике, роли и задачах литературоведения; высказывает свое отношение к тому, что происходит сегодня в гуманитарной науке; наконец, обнаруживает собственную творческую индивидуальность.

Литература

1. Бахтин М.М. Из записей 1970–1971 годов // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 349.
2. Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999.
3. Добролюбов Н.А. Когда же придет настоящий день? // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1963. Т. 6. С. 97.
4. Ингарден, Р. Исследования по эстетике. М., 1962. URL: http://philosophy.ru/library/aesthetics/ingarden_estet_issled.pdf
5. Касаткина Т.А. Беседа с Ириной Роднянской о профессии // Роднянская И. Движение литературы. М. 2006. С. 7–11.
6. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллин, 1992. Т. 1. С. 153.
7. Новейшая философская энциклопедия. URL: <http://iph.ras.ru/elib/0760.html>
8. Отрощенко Е. Об одном сюжете книги С.Г. Бочарова. М., 2000. URL: http://old.russ.ru/edu/uchebnik/20000131_o.html
9. Роднянская И. Философская “собака, зарытая в стиле” // Континент. 2008. №136. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2008/136/du23-pr.html>

References

1. Bakhtin M.M. Iz zapisei 1970–1971 godov [From the records 1970–1971 years]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979, pp. 349.
2. Bocharov S.G. *Siuzhety russkoy literatury* [Topics of Russian literature]. Moscow, 1999.
3. Dobroliubov N.A. *Kogda zhe pridet nastoyashchii den?* [When will the present day come?]. *Dobrolyubov N.A. Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected Works]. Moscow, 1963, T. 6, p. 97.
4. Ingarden, R. *Issledovaniia po estetike* [Research on aesthetics]. Moscow, 1962. Available at: http://philosophy.ru/library/aesthetics/ingarden_estet_issled.pdf
5. Kasatkina T.A. *Beseda s Irinoy Rodnianskoy o professii* [Interview with Irina Rodnianskaia about the profession] *Rod-*

nianskaia I. *Dvizhenie literatury* [Rodnyanskaya I. Literature Movement]. Moscow, 2006, pp.711.

6. Lotman Iu.M. *Tekst v tekste* [The text in the text] *Lotman Iu.M. Izbrannye stat'i* [YM Lotman Featured article]. Tallin, 1992, T. 1, p. 153

7. *Noveyshaia filosofskaia entsiklopediia* [Contemporary Encyclopedia of Philosophy]. Available at: <http://iph.ras.ru/elib/0760.html>

8. Otroshchenko E. *Ob odnom syuzhete knigi S.G. Bocharova* [On a plot of the book SG Bocharov]. Moscow, 2000. Available at: http://old.russ.ru/edu/uchebnik/20000131_o.html

9. Rodnyanskaia I. *Filosofskaia "sobaka, zarytaia v stile"* [Philosophical "dog, buried in the style of"] *Kontinent* [Continent], 2008, №136. Available at: <http://magazines.russ.ru/continent/2008/136/du23-pr.html>

УДК 82-31 (17.82.31)

Т.Н. Воронина, А.Б. Крылова

Вологодский государственный университет

«Я» И «МЫ» КАК ФОРМА САМОВЫРАЖЕНИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ТЕКСТАХ А. БАШЛАЧЕВА И Ю. ШЕВЧУКА (НА МАТЕРИАЛЕ АЛЬБОМА «КОЧЕГАРКА»)

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»)*

Статья посвящена сравнительному анализу самопрезентаций лирических героев А. Башлачева и Ю. Шевчука. Объектом исследования является вербальная составляющая рок-текстов совместного концерта музыкантов в Ленинграде в 1985 году. В результате последовательного анализа способов позиционирования лирического субъекта в текстах обоих авторов делается вывод о том, что лирический герой Башлачева нацелен на поиск голосов многих в своем голосе и склонен к выражению «я» через «мы», у Шевчука больше представлен обратный процесс: выделение своего личного звучания, а следовательно, выражение «мы» через «я».

Рок-поэзия, лирический герой, Ю. Шевчук, А. Башлачев, рок-герой.

The article deals with comparative analysis of A. Bashlachev and Y. Shevchuk lyric heroes. The authors study the verbal components of the joint concert in Leningrad in 1985. The sequential analysis of the ways of self-identity of the lyric hero in the texts by both authors shows that Bashlachev's lyric hero looks for many voices in his voice and appears to represent his "I" through "we". In the texts by Y. Shevchuk we can see quite the opposite process: "we" is heard through "I".

Rock poetry, lyric hero, Y. Shevchuk, A. Bashlachev, rock hero.

Введение

Феномен рок-поэзии привлекает внимание литературоведов с конца 1990-х годов, а само понятие прочно вошло в научный обиход. Термин «рок-поэзия» на сегодняшний день является устоявшимся, в то же время содержание его учеными понимается по-разному. Вслед за С.В. Свиридовым и В.А. Гавриковым мы исходим из понимания рок-поэзии как «единого поэтического текста рока» (т.е. включающего вербальные и невербальные способы смыслообразования) [2, с. 6–7], [7, с. 14], это есть «синтетическое высказывание, поддающееся осмыслению средствами, прежде всего, филологии» [3, с. 10]. Однако в данной статье мы сосредоточимся на вербальной составляющей рок-текстов.

Александр Башлачев и Юрий Шевчук – яркие представители рок-Олимпа конца 1990-х гг., знаковые фигуры для русского рока. В их творчестве проявились специфические черты отечественной рок-поэзии, среди которых В.А. Гавриков называет следующие собственно текстовые характеристики, дифференцирующие рок и авторскую песню: эмоционально-тематическая направленность; сатирическая подоплека; большая роль мотивов эзотерического, мистического характера; высокая степень ми-

фологизации текстов [2, с. 9]. Тексты А. Башлачева и Ю. Шевчука объединяют устойчивое обращение к социально-патриотической тематике, установка на осмысление судьбы лирического героя как судьбы поколения в контексте истории страны, обращение к истокам и особенностям национального характера.

Кроме того, оба автора-исполнителя были близки не только творчески, но и биографически. Впервые, они были лично знакомы и связаны дружескими отношениями (впервые встретились в Череповце, куда Ю. Шевчук в 1983 году приехал записывать совместно с группой «Рок-Сентябрь» альбом, впоследствии названный «Компромисс»). Во-вторых, А. Башлачев для Ю. Шевчука являлся большим авторитетом в поэтическом отношении, о чем последний неоднократно высказывался, в частности: «Саша – это, на мой взгляд, гениальный человек, потому что из поэтов, принадлежащих рок-н-роллу он, конечно, лучше всех, глубже. Не лучше, лучше – не то слово, а глубже всех, и как-то максимально художественно глубоко отразил вот те мысли, то мировоззрение, мироощущение того времени, 80-х, которое проецируется и на наши дни, конечно. <...> Я не раз говорил, что горд, что мое поколение выдало на-гора вот такого замечательного поэта, как Саша Башла-